Культура — 2002 — 25 июля — 7 авг. — с. 12

Олега Ефремова не оставляли одного

Осенью этого года в издательстве "Олма-пресс" – "Авантитул" выйдет книга Виталия Вульфа "Серебряный шар" – Драмы за сценой". В нее вошли очерки о корифеях отечественного театра и актерах, не избалованных славой, воспоминания о сценической и закулисной истории, размышления о сегодняшнем дне, современном театре и его людях. Книга носит по преимуществу мемуарный характер, а потому авторские оценки минувших событий, человеческие характеристики могут быть весьма субъективными, спорными. Но это прежде всего личный взгляд – чаще пристрастный, нежели равнодушный. Любой мемуарист имеет на это право, оставляя каждому читателю возможность соотнести прочитанное с собственными размышлениями и выводами.

Последняя глава книги под названием "Преодоление себя" увидит свет в августовском номере журнала "Октябрь". Фрагмент этой главы мы предлагаем сегодня вниманию читателей "Культуры".

В Современнике Ефремова боготворили. Рядом с ним всегда была Галина Волчек

МХАТ всегда оставался моей любовью, хотя в 60-е и 70-е годы я подружился с Современником и все свободное время проводил в театре, смотрел прогоны, репетиции в пустом зрительном зале, тогда был сильно влюблен в талант Галины Волчек, она мне нравилась своим неповторимым шармом, широтой натуры и проницательностью. У меня было много свободного времени, я был молод, наивен, неопытен, всем верил и болезненно относился к ударам, а камни летели в меня без остановки.

В те годы в Современнике Ефремова боготворили. Рядом с ним всегда была Галина Волчек. Помню, как однажды она мне сказала: "Я Олега никогда не оставляю одного". Творчески она любила его очень сильно. Его любили. Ему были преданы Лиля Толмачева, Алла Покровская, по-женски его бесконечно любила Нина Дорошина, его слово было в те годы законом и для Евстигнеева, и для Кваши, даже для Табакова, хотя теперь после его бесчисленных интервью, которые он давал, придя во МХАТ, прошлое кажется миражом. Но Табаков тридцать с лишним лет назад был совсем другим человеком. Он загорался от стихотворной строки, от талантливого театрального зрелища, от цвета неба... Секретарь "Современника" – Раиса Викторовна (в театре ее и теперь старшее поколение называет Раечка), – прослужив в театре сорок пять лет, осталась верна Ефремову. Помню, как Леня Эрман (директор Современника) с утра мчался в театр, откуда уходил поздно ночью (что не изменилось и сегодня), с каждым днем становясь под влиянием Ефремова все требовательнее к себе. Все гордились своей дружбой с Олегом. Жизнь в театре была насыщенная, актеры постоянно сидели в зрительном зале, смотрели репетиции. Ефремов был полон идей, работал весело и мастерски, и все понимали, что "живой театр" (любимое слово Олега) на самом деле решает сущностные вопросы нашей культуры и нашей жизни. Его уход из Современника воспринимался драматически. Достоевский когда-то говорил: "Всякий человек должен иметь место, куда бы он мог уйти". После неудачного "Чайки" (она на самом деле была ценнее и цельнее, чем многие удачи театра тех лет) Ефремов, одержимый идеей возродить Художественный театр, принял предложение "стариков" и ушел. Поначалу он казался мне очень уверенным, словно снова обрел себя, но вращающаяся земля привела в итоге всех создателей Современника к разным жизненным итогам, и "концы" оказались не столь радостными, как "начала".

В Современнике в те годы я повидал многих, туда любили приходить. Там я впервые увидал Илью Эренбурга, а я увлекался им, читал его "Затянувшуюся развязку", познакомился с замечательным драматургом Володиным, наблюдал, как складываются отношения Ефремова и Фурцевой. Сидел на репетициях Товстоногова (это было уже после ухода Ефремова) и подружился с ним. Часто приезжая в Ленинград, почти каждый вечер приходил к Товстоногову и засиживался у них допоздна. Нателла Александровна, сестра Товстоногова (человек, которого я очень люблю и дружу с ней с тех давних времен), создавала уютную атмосферу. За большим деревянным столом собирались Евгений Лебедев, замечательный артист, муж Нателлы. Нателла, сам Георгий Александрович, всегда к ужину подходили гости, было весело, интересно, всех собравшихся волновали судьбы литературы и театра. Я рассказывал о театральной Москве: "Юра", как называли Георгия Александровича, хотел знать, что делают Ефремов, Эфрос. Я уходил в свой номер "Октябрьской" гостиницы окрыленный, меньше всего задумываясь о том, как складывается собственная жизнь.

То было время, когда я еще искал себя. Мне никогда не была свойственна жесткость, характерная для молодых лет, и хотя мои вкусы, привязанности и отталкивания уже успели сложиться, я все еще испытывал необходимость проверить то, что другим казалось таблицей умножения.

Теперь я с удивлением смотрю на себя. Жизнь заставила быть и жестким, и выносливым, и не бояться наглости мелких людишек.

За то, что мне удалось много увидеть, я благодарен великой Бабановой, папиному другу, когда-то знаменитому чтецу Антону Шварцу, дому мхатовского актера А.Л.Вишневского – его я уже не застал, но его дочь Наталия Александровна, Наталиша, как ее звали, уделяла мне большое внимание. В мрачные годы сталинизма, когда я увлекался стихами Ахматовой (в университете мы должны были учить доклад Жданова о журналах "Звезда" и "Ленинград", исполняющий Зощенко и Ахматову), она нашла в своей огромной библиотеке "Версты" Марины Цветаевой и сказала: "Это гениальные стихи, ты сейчас ничего не поймешь, но прочти обязательно, это имя, не известное никому, будет славой России". На дворе стоял 1952 год. Библиотеку собирал ее брат, живший с 1943 года в Италии, он был корреспондентом ТАСС, посылал Наталише посылки, и она жила на то, что продавала присланное им. Высокая, умная, очень образованная, училась в студии у Станиславского и мечтала быть актрисой. Но, судя по всему, актерского таланта у нее не было, надолго прослужила в театре Станиславского, а потом занималась чтением. Читала великолепно. Вставала обычно в три-четыре часа дня и ложилась в четыре-пять часов утра. В ее комнате шли бесконечные разговоры о театре. На стене висел портрет Станиславского с надписью: "Будь знаменитой артисткой в отца, будь чудесным человеком – в мать и оставайся премилой, нежной Леточкой, которую я так люблю. К.С.Станиславский, 1935 год".

Иногда разбирала отцовский архив, нашла много писем великой актрисы Малого театра Елизавети Николаевны Федотовой к ее отцу: Вишневский долгие годы был близок с Федотовой. Наталиша рассказывала, что, когда умерла Федотова в 1925 году, отец отчаянно страдал. Любил ее сильно. В маленькой комнате, заставленной коробками, однажды я нашел портрет Марии Федоровны Андреевой, женщины редкой красоты, и много любовных писем к Александру Леонидовичу от разных дам, в том числе и от актрис Художественного театра. Наталиша долго разбиралась во всей этой переписке и большинство писем сожгла...

В конце 50-х – начале 60-х я часто бывал у прекрасного чтеца и человека Дмитрия Николаевича Журавлева, видел в его доме Рихтера, актеров Вахтанговского театра, переживал вместе с его семьей смерть Пастернака и проводил Дмитрия Николаевича и его жену, незаурядную, талантливую Валентину Павловну, на электричку, когда они утром уезжали в Переделкино в день пастернаковских похорон. Меня они не взяли с собой, говорили "не нужно". Я был тогда заочным аспирантом, снимал угол, работы в Москве у меня не было, и теперь понимаю, как деликатно они оберегали меня.

С Современником связаны 60-е годы, его внутренняя жизнь была мне очень дорога. Но и за пределами любимого театра я со многими дружил.

Помню, как однажды мне позвонила актриса МХАТа Софья Станиславовна Пилявская и попросила помочь Софии Ивановне Баклановой выхлопотать пенсию. Софья Ивановна была близким другом Ольги Леонардовны Книппер-Чеховой. С 1938 года они жили вместе одной семьей, хотя не были ни в каких родственных отношениях. Когда-то до революции Софья Ивановна была очень богатым человеком, потом потеряла все в годы революции, работала в Академии наук и очень дружила с Адой Книппер, племянницей Ольги Леонардовны, родной сестрой знаменитой Ольги Чеховой, немецкой киноэзвезды Третьего рейха. Книппер-Чехова умерла в 1959 году, Софья Ивановна осталась одна, после смерти Ольги Леонардовны ее очень быстро уплотнили, в столовую вселился артист МХАТа Леонид Губанов с женой, и Софья Ивановна оказалась в коммунальной квартире. Спальню Ольги Леонардовны она оставила в неприкосновенности, а в небольшой гостиной поставила остальные вещи, и было трудно проткнуться среди них. Меня поразила спальня Ольги Леонардовны: старая кровать, большой платяной шкаф и над ним портрет ослепительной женщины, на котором было написано по-французски: "Ольге Книппер с любовью. Сара Бернар". На противоположной стене висело много фотографий Чехова.

В конце концов пенсия была получена, пенсионная книжка "персонального пенсионера союзного значения" Софии Ивановны Бакланової хранится у меня по сей день. Пенсия была установлена в размере 60 рублей в месяц пожизненно. Умерла Софья Ивановна спустя год, последний раз ей принесли эту пенсию, о которой она мечтала, 24 декабря 1966 года. Дом Книппер-Чеховой перестал существовать.

Вспоминаются и забавные истории: однажды по почте принесли открытку из Москвы от Ольги Чеховой. Она писала Софе, что собирается приехать в Москву, откуда уехала сорок пять лет назад. Хочет приехать тихо, незаметно, повидать Софу, Аллу (речь шла о Тарасовой) и Пашу (так звали друзья Павла Александровича Маркова), просила снять ей номер в "Национале" для себя, своего доктора, парикмахера, секретаря и массажиста. Больше никто с ней не приедет. На дворе стоял 1964 год. Софья Ивановна вызвала Елизавету Николаевну Конкину, меня, и "совет" решал, что отвечать Ольге Константиновне. Решили, что приезжать ей еще не время, тем более что Софья Ивановна позвонила Тарасовой, и та испуганно прокричала в телефонную трубку, что встречаться с Ольгой не намерена. Марков тоже энтузиазма не выразил. Софья Ивановна написала в Мюнхен письмо, я отправил его с Центрального телеграфа, на том дело и кончилось.

В доме Софии Ивановны я часто встречал Федора Николаевича Михальского, а те годы – директора Музея МХАТа. Он был когда-то доверенным и любимым человеком Станиславского, Немировича-Данченко, Книппер-Чеховой, Качалова, все видал, знал, был удивительно внимателен к Софии Ивановне. Я разглядывал его с большим любопытством.

Уже потом, когда МХАТ ставил "Сладкоголосую птицу юности" Теннесси Уильямса в моем переводе, сделанном вместе с А.Дорошевичем, у меня завязались теплые, дружеские отношения с Павлом Владимировичем Массальским, Марком Исаковичем Прудкиным, ну и, конечно, с Анатолием Иосифовичем Степановой, ставшие с годами очень близкими. Я всегда относился к ней с благоговением. Человек большого ума, предельно воспитанный, эпоистичный, жестковатый, но очень много дававший людям. Ее отличал удивительно трезвый взгляд на окружающий мир.

Прудкин и Массальский были совершенно не похожи друг на друга и по характеру, и по таланту. Марк Исакович Прудкин слыл интриганом, говорили, что он коварен, я этого не замечал. Он был очень умен и невероятно талантлив. Современный зритель может посмотреть телевизионный фильм "Дядюшкин сон" с Натальей Тенячковой в роли Москалевой, Майоровой – Зинаидой и увидеть Прудкина в роли старого князя. Это блистательная работа. Когда надавно я посмотрел "Дядюшкин сон" в Вахтанговском театре, то невольно вспомнил Прудкина и неизнашиваемость его громадного таланта, что гораздо важнее, чем публикуемые воспоминания о нем как о человеке, плохо слышащем и зависимом перед властью. По сравнению с широко известными режиссерами знаменитых театров это зависимое Прудкина выглядит жалким лепетом на лужайке.

Я помню его в совсем забытом сегодня спектакле "Глубокая разведка" по пьесе Крона. Он играл азербайджанца Мехти-Ага, обаятельного прожигателя жизни. Наблюдательный, энергичный, жизнерадостный и циничный.

Я любил его рассказы о Немировиче-Данченко, которого он боялся и очень любил. Он был в конце 20-х годов в знаменитой "шестерке", руководившей МХАТом. Эту партийную молодежь очень боялся Станиславский. Когда Немирович-Данченко вернулся из США, "шестерка" распалась. Все нити власти оказались в руках великого режиссера. Талантливый театральный писатель Инна Соловьева, написавшая книгу о Немировиче-Данченко, по существу, обошлась без советского периода, а это был мощный и значительный этап в развитии Художественного театра. Великий режиссер все время находится как бы в тени, а между тем внутри старого МХАТа было известно, что без Немировича-Данченко не было бы того мощного театра, каким он был в 30-е годы.

Вернувшись из-за границы, Немирович-Данченко довольно жестоко обращался с теми, кто входил в "шестерку". Прудкина почти не занимал, и, по словам Марка Исаковича, довел его до такого состояния, что он решил пойти и переговорить с Немировичем. Однажды, идя по коридору, он увидел спускающегося с лестницы Владимира Ивановича. "Вот иду и думаю о вас", – сказал тот, обращаясь к Прудкину, и Марк Исакович растаял. Работал над крохотной ролью прокурора Бреве в "Воскресении" осталась в памяти Прудкина как одно из самых незабываемых событий его жизни.

Он часто рассказывал мне, как детально разбирал роль Немировича-Данченко. "Его предложения я потом использовал во многих ролях", – признавался Прудкин. Неудача в роли Вронского в "Анне Карениной" наложила тень на его предыдущие работы, но после "Глубокой разведки" он снова взметнулся ввысь. Блистательный характерный актер, красивый, очень умный, сохранивший почти до глубокой старости остроту взгляда, он был, конечно, мастер театральных интриг внутри старого МХАТа. Умер он, когда ему было 96 лет. Жил последние годы в квартире, где прежде жила Тарасова, с ней он играл и в "Анне Карениной", и в "Днях Турбиных" (был лепкий обольстительный Шервинский), и в неудачных "Дачниках" Горького. Ее смерть он горько переживал. Он считал, что после Книппер-Чеховой, Германовой Тарасова – самая крупная актриса театра. Когда-то, в 20-х годах, у них был роман, и он нетерпимо относился к тем, кто позволял себе иронизировать по поводу Тарасовой. Лучшей ее ролью он считал Лупину в "Последней жертве", она играла ее с невероятной силой. Он играл Дульчина вместе с ней. От него я узнал, что ее последний муж, генерал Пронин (она прожила с ним тридцать лет), был неприклонен, когда власти хотели повторить ее на Новодевичьем кладбище. Она завещала положить ее рядом с матерью на Немецком, так и поступили. Вскоре после ее смерти умер ее первый муж, бывший белый офицер Кузмин: они вместе вернулись из США, какое-то время он работал в массовке театра, и всю жизнь Алла Константиновна заботилась о нем. Он был отцом ее единственного сына. Потом она соединилась с Москвиным и от него ушла к генералу Пронину, это был, пожалуй, ее самый счастливый брак, рассказывал Марк Исакович, познавший славу, успех и признание даже тех, кто человечески не любил его. Он действительно гениально играл Федора Павловича Карамазова в спектакле талантливейшего Бориса Николаевича Ливанова, сладострастного, балующегося философскими разговорами князя в "Дядюшкином сне" и Мехти-Ага в "Глубокой разведке".

Павел Владимирович Массальский был совсем другим человеком. Красивый, всегда роскошно одетый, любил выпить, боялся своей жены. Нейи Александровны (она еще жива), превосходно преподавал в Школе-студии МХАТа, был заведующим кафедрой актерского мастерства, никогда не отличался острым умом, но с ним было легко и весело. Он был с юмором.

В годы, когда Ефремов возглавил МХАТ, Массальский играл немного, на своего бывшего ученика был обижен и, в отличие от Прудкина, никогда не поддерживал Ефремова. С Прудкиным они часто играли одни и те же роли, но Прудкин был артист более высокого класса. Массальский (широкий зритель запомнил его по фильму "Цирк" с Любовью Орловой, он играл немца, продюсера) был элегантным, легким, блестящим актером. Он великолепно играл лорда Горинга в "Идеальном муже" Уайльда, Чарльза Серфеса в "Школе злословия" Шеридана, был создан для салонной комедии, умея передавать в зрительный зал "колкость парадоксов" (слова Инны Соловьевой). В доефремовский период играл он очень много, но в 70-е годы начал болеть и умер неожиданно, в 1979 году, когда ему было 75 лет. Его учениками были Доронина, Евстигнеев, Михаил Козаков, их он любил и все время следил, как складывается их судьба.

Я подружился с ним, когда он начал репетировать пьесу Уильямса "Сладкоголосая птица юности", он играл Босса Финли, это не было большой удачей, но общаться с ним было очень интересно. Он любил ездить за границу, не пропускал ни одной туристской поездки, которые организовывались во МХАТе. Был в США, Швейцарии, Англии, Франции, и Найя Александровна постоянно была рядом, знала, что он гулена и отпустить его одного или оставить без присмотра – весьма опасное дело...

Ефремов решил, что переход пьесы Уильямса "Сладкоголосая птица юности", сделанный мною вместе с А.Дорошевичем, должен читать на труппе я. Все собрались в верхнем фойе. Пьесу решили включить в репертуар, потому что Ефремову было необходимо занять Степанову. Ставил спектакль артист театра Сева Шиловский. Я впервые увидал сидящих на читке в первом ряду Грибова, Кторова, Яншина, Андровскую, Прудкина, Массальского, Петкера. Я глядел на них, как на далекие вершины гор, и волновался, как заочно влюбленный. После читки Грибов громко сказал, что ничего не понял в пьесе, он был зол и раздражен. Было очевидно, что он в оппозиции к Ефремову, к Уильямсу его раздражение не имело никакого отношения. Он был назначен на роль Босса Финли, но играть не хотел. Павел Владимирович Массальский молчал: он был учителем Ефремова, и отношения у них складывались в театре совсем непросто. На вопрос Грибова: "Кто же у нас будет играть Принцессу Космополис? Разве есть у нас актриса на эту роль?" – Степанова, сидевшая в стороне, ответила: "Лешенька, это я буду играть", и наступило молчание. Обсуждение кончилось очень быстро.

То было время, когда Степанова обогнала всех своих знаменитых соперниц, с которыми прожила жизнь в театре. Тарасовой и Еланской уже не было в живых, Андровская была очень больна, но Ефремов поставит еще для "стариков" "Соло для часов с боем", и она познает свой последний триумф, в Степанова уже давно занимала в театре первое положение. После Ирины в "Трех сестрах" и Бетси Тверской в "Анне Карениной" – ролей, сделанных с Немировичем-Данченко, она медленно, но неуклонно взбиралась по лестнице вверх. Никогда не отказывалась от ролей, после смерти Фадеева стала заниматься общественной деятельностью, но главным в жизни оставалась сцена. Блистательная современная актриса, женщина большого ума, снайперски умеющая оценивать людей. Я дружил с ней четверть века, не говоря уже о последних годах, когда она звонила мне по утрам почти каждый день и минут тридцать – сорок говорила своим чуть надтреснутым голосом. С годами она говорила много, хотя прежде отличалась молчаливостью – наверное, это свойство старости. Я любил приезжать к ней пить чай.

В начале 90-х годов она открыла мне тайну своей любви с Николаем Эрдманом, и я придумал книгу – "Письма", переписка Степановой и Эрдмана. Она была опубликована моими друзьями в издательстве, которого теперь уже не существует, тиражом в пять тысяч. Книга имела огромный успех. Многие стали смотреть на Степанову совсем другими глазами. Она была счастлива, что эта книжка вышла. Рецензий было очень много, Дом актера стараниями Маргариты Эскиной устроил презентацию книги. Замечательно выступили В.Я.Виленкин, Валентин Іафт, Вера Максимова – она вела вечер. Ангелина Иосифовна приехала, выступала, все это сохранилось на телевизионной пленке. Только журнал "Московский наблюдатель" не заметил книги. Недоброжелательство и неумение встать выше личных симпатий и антипатий отличали тех, от кого зависела публикация рецензий. Может быть, тогда я впервые убедился, что театральные дрязги, в сущности, не имеют никакого значения, а работа на телевидении только подчеркнула бессмысленность всех выпадов и укусов. "И вскоду клевета сопутствовала мне... Я не боюсь ее. На каждый вызов новый есть у меня ответ достойный и суровый..." – писала Анна Ахматова.

На телевидение меня привела Іала Борисова, редактор останкинской литдрамы. 11 ноября 1990 года я впервые вышел в эфир по первому каналу с передачей о Марии Ивановне Бабановой. Трудно было тогда предположить, что спустя четыре года благодаря Владу Листьеву возникнет "Серебряный шар" и будет крутиться вот уже восемь лет, поначалу сталкиваясь с раздражением, сопротивлением недругов, неприятием, а потом станет программой, вызывающей у миллионов людей любопытство и интерес.

Виталий ВУЛЬФ